

colloquia
orientalia
bialostocensia

LITERATURA/HISTORIA

WYDZIAŁ FILOLOGICZNY
UNIwersYTETU W BIAŁYMSTOKU
NAUKOWA SERIA WYDAWNICZA

colloquia
orientalia
bialostocensia

LITERATURA/HISTORIA

14

STUDIA TATARSKIE
pod redakcją
Grzegorza Czerwińskiego

Seria 4

KATEDRA BADAŃ FILOLOGICZNYCH
„WSCHÓD – ZACHÓD”
UNIwersYTETU W BIAŁYMSTOKU

ZWIĄZEK TATARÓW RZECZYPOSPOLITEJ POLSKIEJ

KOMITET REDAKCYJNY SERII:

Mariya Bracka, Piotr Chomik, Lilia Citko, Agnieszka Czajkowska, Krzysztof Czajkowski, Grzegorz Czerwiński [Sekretarz Redakcji], Joanna Dziedzic, Anna Janicka, Tadeusz Kasabula, Andrzej P. Kluczyński, Kamil Kopania, Krzysztof Korotkich, Grzegorz Kowalski, Paweł Kuciński, Lucy Lisowska, Jarosław Ławski [Redaktor Naczelny], Barbara Olech, Iwona E. Rusek, Michał Siedlecki, Łukasz Zabielski

Recenzenci tomu:

prof. dr hab. Włodzimierz Szturc (Wydział Polonistyki, Uniwersytet Jagielloński)
prof. zw. dr hab. Henryk Jankowski (Katedra Studiów Azjatyckich, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza)

Redaktorzy tomu: Grzegorz Czerwiński, Artur Konopacki

Opracowanie graficzne i skład: Alter Studio

Korekta: Jolanta Dragańska, Aleksander Gadomski (j. rosyjski), Jacek Partyka (j. angielski)

Indeks nazwisk: Grzegorz Czerwiński

Na okładce wykorzystano fotografie ze zbiorów NAC

Copyright by Katedra Badań Filologicznych „Wschód – Zachód” Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2015

Copyright by Związek Tatarów RP, Białystok 2015

ISBN 978-83-64081-24-8

Książka została przygotowana w ramach projektu badawczego „Literatura polsko-tatarska po 1918 roku”. Projekt finansowany ze środków Narodowego Centrum Nauki przyznanych na podstawie decyzji numer DEC-2012/07/B/HS2/00292.

Wydanie publikacji zrealizowano przy wsparciu finansowym Urzędu Marszałkowskiego Województwa Podlaskiego.

Wydawca tomu:

Alter Studio, 15-281 Białystok, ul. Legionowa 30 lok. 211

tel./fax 85 72 22 545, e-mail: biuro@alterstudio.com.pl

www.alterstudio.com.pl

ESTETYCZNE ASPEKTY LITERATURY POLSKICH,
BIAŁORUSKICH I LITEWSKICH TATARÓW
(OD XVI DO XXI W.)

AESTHETIC ASPECTS OF THE LITERATURE OF
POLISH, BELARUSIAN AND LITHUANIAN TATARS
(FROM THE 16TH TO THE 21ST CENTURY)

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛЬСКИХ, БЕЛОРУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ТАТАР
(XVI–XXI ВВ.)

Edited by
GRZEGORZ CZERWIŃSKI
ARTUR KONOPACKI

Białystok 2015

NAUKOWA SERIA WYDAWNICZA

COLLOQUIA ORIENTALIA BIALOSTOCENSIA

Wschód, Pogranicza, Kresy, obrzeża i krańce, peryferie i prowincja to miejsca o szczególnej mocy kulturotwórczej. Równocześnie jest to przestrzeń oddziaływania odmiennych centrów cywilizacyjnych, religijnych, językowych, symbolicznych i literackich. Białystok i Podlasie, dawne ziemie Wielkiego Księstwa Litewskiego i całej jagiellońskiej Rzeczypospolitej to miejsce i dynamiczna przestrzeń pograniczna w głębokim znaczeniu: stykają się tutaj przecinające Europę na pół płyty kontynentalne cywilizacji łacińskiego Zachodu i bizantyjskiego Wschodu. Ścierają się tu, ale nie niszcząc wzajemnie, Orient ze światem Zachodu, Bałtowie ze Słowianami, prawosławni z katolikami, Białorusini z Polakami, Ukraińcy i Rosjanie. To źródło niemal wygasłej, niegdyś żywej tradycji żydowskiej, wyniszczonej przez Szoah, powoli odbudowującej się w nowym otoczeniu kulturowym i etnicznym. Tu znajdują się wielkie centra religijne i kulturalne wschodniego i zachodniego chrystianizmu: Ostra Brama, Żyrowice, Święta Góra Grabarka, Poczajów, Troki, Ławra Supraska, Grodno, Żytomierz, Bar, nade wszystko Ławra Kijowsko-Pieczerska; tu leżą ośrodki polskiego islamu: Kruszyniany i Bohoniki, centra religijne Karaimów, źródła chasydyzmu.

Białostockie Kolokwia Wschodnie to idea służąca międzykulturowej i międzyreligijnej wymianie myśli, utrwalaniu źródeł pamięci i tożsamości kulturowo-historycznej, badaniu świadectw literackich, artystycznych, przedstawiających przenikanie się wiar, kultur i tożsamości.

„Colloquia Orientalia Bialostocensia” to naukowa seria wydawnicza, której zadaniem jest publikowanie materiałów źródłowych i prac naukowych dotyczących szeroko rozumianego dziedzictwa europejskiego Wschodu. Jego części stanowią...

- Kultura, literatura, historia Europy Środkowej i Wschodniej.
- Cywilizacyjne i kulturowe pogranicza Europy i innych kontynentów, Orientu, Południa, Śródziemnomorza.
- Pierwsza Rzeczpospolita oraz kultury krajów słowiańskich, bałtyckich, germańskich, romańskich.
- Wielkie Księstwo Litewskie, Podlasie i Polesie, Inflanty, Kresy, pogranicze wschodnie, Prusy Wschodnie.
- Kultury mniejszości: Białorusinów, Żydów, Karaimów, Ukraińców, Rosjan, Niemców, Romów, Tatarów, staroobrzędowców, prawosławnych, protestantów.
- Tradycje, obrzędy, symbole i mity narodów Wschodu, języki ludów zamieszkujących tę kulturową przestrzeń.

RADA NAUKOWA SERII WYDAWNICZEJ

COLLOQUIA ORIENTALIA BIALOSTOCENSIA:

Andrzej Baranow (Wilno, Litwa)
Adam Bezwiński (UKW, Bydgoszcz)
Grażyna Borkowska (IBL PAN, Warszawa)
Tadeusz Bujnicki (UW, Warszawa) – Przewodniczący
Urszula Cierniak (AJD, Częstochowa)
Mieczysław Jackiewicz (UWM, Olsztyn)
Wołodmyr Jerszow (Żytomierz, Ukraina)
Dmitry Karnaukhov (Nowosybirsk, Rosja)
Zbigniew Kaźmierczyk (UG, Gdańsk)
Anna Kiezuń (UwB, Białystok)
Halina Krukowska (UwB, Białystok)
Ryszard Löw (Tel Awiw, Izrael)
Jan Leończuk (Książnica Podlaska, Białystok)
Elżbieta Mikiciuk (UG, Gdańsk)
Małgorzata Mikołajczak (UZ, Zielona Góra)
Swietłana Musijenko (Grodno, Białoruś)
Aleksander Naumow (UJ, Kraków)
Viviana Nosilia (Padwa, Włochy)
Jerzy Nikitorowicz (UwB, Białystok)
Eulalia Papla (UJ, Kraków)
Danuta Piwowarska (UJ, Kraków)
Jarosław Poliszczuk (Kijów, Ukraina)
Rościsław Radyszewski (Kijów, Ukraina)
German Ritz (Zürich, Szwajcaria)
Krzysztof Rutkowski (UW, Warszawa)
Tadeusz Sucharski (AP, Słupsk)
Wanda Supa (UwB, Białystok)
Maciej Tramer (UŚ, Katowice)
Halina Turkiewicz (Wilno, Litwa)
Alois Woldan (Wiedeń, Austria)
Igor Żuk (Grodno, Białoruś)

SPIS TREŚCI
CONTENTS OF THE BOOK
СОДЕРЖАНИЕ

Grzegorz Czerwiński, Artur Konopacki

Tatarskie spotkanie naukowe w Białymstoku i Sokółce. Wprowadzenie
Tatar Scientific Meeting in Białystok and Sokółka. Introduction
Научная встреча, посвященная проблемам татар, состоялась
в Белостоке и Соколке. Введение 13

I.

RĘKOPISY TATARÓW WIELKIEGO KSIĘSTWA LITEWSKIEGO
MANUSCRIPTS OF THE TATARS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA
РУКОПИСИ ТАТАР ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Shirin Akiner

An Eclectic Literary Monument: The Religious Literature of the Tatars of
Belarus, Lithuania and Poland 33

Artur Konopacki, Joanna Kulwicka-Kamińska, Czesław Łapicz

Nieznany rękopis polskiego przekładu Koranu 49

Anetta Luto-Kamińska

Znaczenie literatury Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego dla badań
lingwistycznych nad polskimi tekstami dawnymi 69

Dmitry Sevruk

Exorcism Rites from khamail-manuscripts of Lipka Tatars 85

Magdalena Lewicka

Identyfikacja i analiza tekstologiczno-filologiczna arabskiej warstwy językowej stron 478-485 tefsiru z Olity (1723) 107

II.

WSPÓŁCZESNA LITERATURA TATARÓW POLSKICH
CONTEMPORARY LITERATURE OF POLISH TATARS
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬСКИХ ТАТАР

Jan Tyszkiewicz

Kilka uwag o pisarstwie Stanisława Kryczyńskiego 135

Светлана Червонная

Поэзия и журналистика Селима Хазбиевича 143

Maciej Dajnowski

Fantazmat Wielkiego Stepu we współczesnej poezji
Tatarów polskich 165

Michał Łyszczarz

Społeczny wymiar współczesnej poezji polskich Tatarów 183

III.

TATARZY – KONTEKST LITERACKI I KULTUROWY
THE TATARS – LITERARY AND CULTURAL CONTEXT
ТАТАРЫ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Лилия Габдрафикова

Татарский фольклор как основа национального этикета 205

Ляйсан Бадертдинова Татарская литература периода Казанского ханства: исследования и исследователи.	217
Jolanta Sztachelska Tatarzy Henryka Sienkiewicza	227
Anna Cudowska Wpływy tatarskie w modzie polskiej od XVI do XIX wieku.	245
Marek M. Dziekan Życie i dzieło bośniackiego pisarza muzułmańskiego Muhameda Nevaiego Uskufiego (XVII w.)	255
Николай Васькив «На все взгляни, осмысли все». Мотивы и образы поэзии Матымгулы Пырагы	281
Sergii Rybalkin Modern Moroccan Arabic Poetry: Its Beginnings and Development . .	303
Noty o Autorach	321
Summary	327
Indeks nazwisk	329
Указатель имен	340

Лилия ГАБДРАФИКОВА
Институт истории им. Ш. Марджани
Академия наук Республики Татарстан (Россия)

ТАТАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТИКЕТА

В любом обществе существуют свои нормы поведения, обусловленные историко-культурной памятью, этноконфессиональными особенностями и корпоративными правилами. Этикет является отражением эпохи: время корректирует те или иные представления и манеры, привносит новые правила человеческого общежития и ценностно-моральные идеалы. Мифологические и ритуальные истоки повседневного поведения и общения различных народов установлены этнографами давно: «Этикет, как и ритуал, организует поведение человека и межличностное общение, причем таким образом, что партнеры, подчас неосознанно, принимают участие в разыгрывании мифо-поэтических сценариев»⁶³⁴.

Этикет тюркского мира, несмотря на все многообразие составляющих его этносов и народностей, во многом имеет общие корни. Это культ старших, традиции гостеприимства, патриархальные обычаи в семейном укладе, эмоциональная сдержанность и другие первоосновы⁶³⁵. Помимо так называемых базовых норм поведения, в повседневности тюрков, в целом, и казанских татар, в частности, в имперский период истории России

⁶³⁴ А. Байбурин, А. Топорков, *У истоков этикета. Этнографические очерки*, Ленинград 1990, с. 161.

⁶³⁵ А. Никищенко, *Традиционный этикет тюркоязычных народов европейской части России*, «Татарский мир = Татар доньясы» 2004, № 19, <http://www.tatworld.ru> [2014.04.25].

(до 1917 г.) имелось достаточно мелких предписаний и запретов, регулирующих как частную, так и общественную жизнь. Все они представляют определенный научный интерес, т.к. возникали не случайно, а в результате народного опыта. Источником происхождения нередко выступали, к примеру, фольклорные материалы. В этой связи нам хотелось бы по-новому взглянуть на образцы татарского фольклора и выявить в них предписания этикета.

Одним из первых исследователей татарского фольклора был просветитель Каюм Насыри. Именно с его подачи на рубеже XIX–XX вв. обратили внимание на народное творчество поволжских инородцев-мусульман ученые миссионерского направления: Яков Коблов, Николай Катанов и др. В 1920-е гг. интересную аналитическую работу проделал ученый-историк Гали Рахим. Результаты его научных изысканий были представлены в качестве лекционного курса для студентов Восточно-педагогического института в Казани⁶³⁶. Фрагменты его лекций сохранились в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Галинджана Ибрагимова АН РТ⁶³⁷. Вообще, в начале XX столетия среди образованной татарской молодежи было очень распространено собирательство фольклора, главным образом, песен и баитов. Особняком в этом ряду стоит поэт и драматург Накый Исанбет, который собрал несколько томов татарских пословиц и поговорок. Именно на материалы этих авторов, дореволюционного и раннего советского периода, мы опирались при анализе поведенческих норм.

Основой психологии человека доиндустриальной эпохи являлся страх. Ограниченность представлений о мире и природе порождали различные мифические объяснения окружающей

⁶³⁶ Л. Р. Габдрафикова, *Древние тюрки говорили «вперед» обозначая этим «на Восток»* (Фрагменты из лекций Г. Рахима «Фольклор казанских татар»), «Гасырлар авазы = Эхо веков» 2012, № 3/4, с. 177-178.

⁶³⁷ Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (далее – ЦПМН ИЯЛИ АН РТ), ф.18, оп.1, дд. 33, 34, 35.

действительности⁶³⁸. В татарском фольклоре значительное место занимают различные духи (джины, шайтаны, шурале, ой иясе, азбар иясе, су анасы и т.д.). Они выполняли самые разные функции, в том числе охранительные. Поэтому наряду с отрицательными оттенками, имели в зависимости от обстоятельств, и положительные черты. Так, основные татарские обряды (свадебные, рождение ребенка и др.) связаны были не только с требованиями шариата, но и заключали в себе, в том числе, и задабривание разных языческих духов. Например, в некоторых местностях татарские невесты при входе в дом жениха должны были целовать печку, что означало знакомство с домовым (ой иясе). Когда невесту водили первый раз к колодцу или реке, она бросала в колодец или реку монету и крошки пресных лепешек в дар хранильнице воды (су иясе)⁶³⁹.

Воплощением духов считались и природные явления, и люди, и животные, и птицы, и насекомые. Если разного рода «хозяйева» (ия) дома, хлева, воды и т.п. являлись наследием языческой поры, то джины были навеяны уже арабо-мусульманской культурой.

Пожалуй, первым признаком социальных норм, принятых среди татар-мусульман, был внешний вид человека. Традиционный костюм казанских татар начал модифицироваться со второй половины XIX в. С этого времени появились элементы городской моды: приталенные женские силуэты, мужские казакины, новые аксессуары (очки, трость, часы) и т.д. Но даже при европеизированной одежде долгое время оставались неизменными национальные головные уборы: у женщин – калфаки, у мужчин – каляпуши (круглые тюбетейки). Ношение головного убора считалось обязательным для всех. Головные уборы, прежде всего, подчеркивали религиозную и национальную принадлежность владельца, но в то же время выполняли и охранительные функции. На этот счет существовали определенные народные поверья. Татары верили, что на непокрытую голову может упасть случайное проклятие. Например, «если кто-нибудь в присутствии детей,

⁶³⁸ Р. Мандру, *Франция раннего Нового времени: 1500–1640. Эссе по исторической психологии*, Москва 2010, с. 92-93.

⁶³⁹ А. В. Мухамметшина, *Ислам в Среднем Поволжье: общее и особенное*, Казань 2014, с. 48.

сидящих без шапок» произносил проклятие, то их гладили по голове и говорили «бисмилля», дабы защитить⁶⁴⁰.

Различные правила охватывали не только взаимоотношения людей, но и отношение человека к природе. Так, ночь и темное время суток порождали в воображении множество страхов. Поэтому существовали определенные предписания для любителей ночных походов и поездок. Любое существо (человек или животное), встретившейся ночью, воспринималось как что-то нечистое⁶⁴¹. Из-за этого запрещалось брать себе в попутчики ночных странников, пускать в дом животных (например, кошку). Так в 1890-е гг. русский чиновник из Вятской губернии рассказывал о том, как ехал по проселочной дороге и сбился с пути в поле. Он решил поехать в сторону собачьего лая и огоньков, виднеющихся в дали. Но извозчик-татарин наотрез отказался, заверив чиновника, что «и огонь, и собачий лай производит черт, „шайтан“, и что в той стороне нет никакой деревни». Чиновнику ничего не оставалось как подчиниться фобии татарина и дожидаться с ним наступления рассвета⁶⁴². Ярким поэтическим описанием такой ночной встречи человека и нечистой силы стала поэма Габдуллы Тукая *Шурале*. В основе этого произведения множество народных легенд, где фигурировали шурале.

Главный герой поэмы – дровосек, затеявший ночную работу, чуть не стал жертвой лесного чудища. Работа в сознании татар всегда ассоциировалась со светлым временем суток, и любое начатое дело рекомендовалось завершить до наступления ночи. «Оставленная работа останется под снегом» – гласила народная мудрость. Но, кроме простого забвения начатой работы, оставленное дело было чревато, согласно мифическим представлениям, такими опасными последствиями, как различные неприятности и болезни, которые могли спровоцировать ночные существа (джины, шайтаны, домовые и т.п.). Например, запрещалось оставлять веретено с

⁶⁴⁰ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф.18, оп. 1, д. 34, л. 19.

⁶⁴¹ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф.18, оп. 1, д. 33, л. 75.

⁶⁴² Н. П. Штейнфельд, *Малмыжские татары, их быт и современное положение*, «Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год», Вятка 1894, с. 287.

куделем на ночь. Считалось, что с веретеном может поиграть домовый, а человека, взявшего это веретено уже утром, настигнет болезнь⁶⁴³.

Модификацией такого же рода страха болезней были запреты относительно различных антисанитарных уголков – бань, уборных, свалок, скотобоен. Следовало, в первую очередь, опасаться падений, т.к. по поверьям именно в «нечистоплотных» местах обитают джинны. И если человек соприкасается с ним, то его ударяет джин, что влекло за собой различные болезни и увечья⁶⁴⁴. В принципе, в этом предписании наблюдалось немало рационального начала. В эпоху бесконечных эпидемий, заразных заболеваний и очень плохих санитарных условий источником инфекций как раз могли выступать свалки, бани, уборные и т.п. точки⁶⁴⁵.

Если же в характере личности наблюдалась некоторая неуравновешенность, «бесовщина», то это связывали с вселением в его тело самого джина⁶⁴⁶. Опасность получения удара от джина увеличивалась с наступлением ночи.

Помимо темного времени суток немало страха вызывали природные явления. Пожалуй, наибольшие опасения порождали гроза и молния. В обывательском сознании молния воспринималась как ход борьбы ангела с шайтаном, во время их гонки сыпались искры. Во избежание нечаянного проникновения в дом шайтана, татары во время грозы закрывали все окна, двери, печные отверстия. Любопытно, что тем, кто во время грозы оказывался не в помещении, советовали держаться подальше от женщин. Считалось, что они по природе своей существа дьявольские и поэтому притягивают шайтана, а вместе с тем и молнию — «огненные камни»⁶⁴⁷. Во многих волшебных народных сказках женщина фигурировала как юха — змея (тысячелетний дракон), своеобразный аналог дьявола. Как в случае со средневековыми ведьмами, особое

⁶⁴³ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 33, л. 63.

⁶⁴⁴ *Ibidem*, л. 81.

⁶⁴⁵ Я. Коблов, *Мифология казанских татар*, Казань 1910, с. 8.

⁶⁴⁶ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 33, л. 82.

⁶⁴⁷ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 34, л. 3.

подозрение вызывали представительницы женского пола с яркой внешностью и очень любимые мужьями⁶⁴⁸. Вероятно, отсюда и определенная осторожность в обращении с женщинами в татарском семейном этикете. Например, в сборнике правил поведения, опубликованном в 1880 г. Мустафой Уразовым в Казани, мужьям давались следующие советы:

секрета своего жене не говори и, какую бы набожною она ни казалась, на верность ее не надейся; о делах своих с женою не толкуй и денег ей зря не давай; жену свою не ругай и не кляни, чтобы она не просила развода — талак: если не желаешь заводить неприятности, займы у жены ничего не проси; из дома жену без себя не отпускай, а то сведут ее с пути.⁶⁴⁹

Квинтэссенцией этих предписаний, очевидно, является пословица, зафиксированная Каюмом Насыри, «Не опирайся на лед и не надейся на жену». Справедливости ради надо отметить, что в целом среди татарских пословиц доминируют образцы, где жены наделяются положительными чертами и рассматриваются как опора своих мужей⁶⁵⁰.

Данная связь особенностей татарского фольклора и патриархального уклада их семейной жизни давно была подмечена специалистами. Очень выпукло это преподносилось в советское время, когда тяжелое и угнетенное положение восточных женщин рассматривалось как один из характерных признаков капиталистического быта⁶⁵¹. Хотя, безусловно, такого рода экстраполяция современных представлений на повседневность дореволюционного времени являлась не совсем верным в научном отношении. Для людей той эпохи существовали свои социальные нормы и отклонения. Если с одной стороны в женщине имелось много «дьявольского», то защиту они искали в тех же мужчинах, т.к. считалось, что на них редко нападают бесы и другого рода нечистая

⁶⁴⁸ К. Насыри, *Сайланма эсэрләр. 4 томда*, Т. 3, Казан 2005, с. 255.

⁶⁴⁹ Н. Катанов, *Поволжские татары в их произведениях и в жизни*, «Гасырлар авазы = Эхо веков» 2001, № 1/2, с. 168.

⁶⁵⁰ *Татар халык иҗаты. Мәкальләр һәм дөйтәмнәр*, Казань 1987, с. 384-389.

⁶⁵¹ *Татары Среднего Поволжья и Приуралья*, Москва 1967, с. 347.

сила. Например, подобием такого компромисса было то, что, по замечанию Якова Коблова, татарки часто брали в баню с собой одного ребенка мужского пола⁶⁵². Т.е. ребенок в этом случае выступал своеобразным оберегом.

Между тем дети в раннем возрасте считались очень уязвимыми. Вероятно, это связано с высокой детской смертностью. Поэтому новорожденных особенно тщательно охраняли от нечистой силы. Например, нельзя было оставлять ребенка до 40 дней от рождения одного, т.к. считалось, что в таком возрасте его легко может похитить пери, джин или шайтан, и более того, заменить своим детенышем⁶⁵³. Для ограждения от бесов применяли какую-либо стальную вещь: это могли быть ложки, нож или даже топор. При этом соблюдалась некоторая осторожность при обращении с острыми стальными предметами, т.к. существовали поверья, что они имеют способность растягиваться. Поэтому ножи следовало подавать человеку черенком, что бы нечаянно не уколоть его⁶⁵⁴.

Вероятно, с желанием уберечь новорожденных от нечистой силы объясняются своеобразные имена-обереги. Например, в XIX в. родители давали своим детям двойные имена (Ахмат-Гарай, Мухаммед-Рахим, Султан-Гали, Мухаммед-Салих, Саид-Хужа, Биби-Асьма, Хадича-Бика и т.д.). Эту татарскую традицию очень критиковал в 1870–1880-е гг. казанский богослов Шигабутдин Марджани, считая противоречащей исламской культуре⁶⁵⁵. При этом такие имена давались детям, чтобы запутать джинов и скрыть от них настоящее имя человека. С тем же страхом были связаны и тюркские имена с различными приставками «Тимер» («Железо»), «Ульмяс» («Не умрет»), «Жан» («Душа») и т.д. Предполагалось, что подобные имена спасут ребенка от ранней смерти и болезней, т.е. от влияния нечистой силы.

Татарский фольклор очень активно использовался в народной педагогике. Например, одним из основных персонажей являлся

⁶⁵² Я. Коблов, *op. cit.*, с. 7.

⁶⁵³ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 34, л. 22.

⁶⁵⁴ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 34, л. 6.

⁶⁵⁵ Ш. Мәржани, *Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар*, Казан 1989, с. 172-173.

шайтан. Им пугали детей и таким образом обосновывали некоторые нормы поведения, прививали этикет: как вести себя в обществе и в одиночестве. Когда человек сильно смеялся, то говорили, что его под бок толкает либо щекочет шайтан. Очевидно, после таких слов ребенок старался не поддаваться черту и останавливался. Практически под таким же предлогом запрещали хрустеть пальцами. Каждый хруст порождает 77 новых шайтанов, — утверждали старшие. Кроме того, шайтаны «размножились» от того, что человек закидывал ногу на ногу. Если же кто-то дрыгал ногами, то тут же его останавливали со словами, что это шайтан качает своего ребенка. При зевании в обязательном порядке закрывали рот, в противном случае, считали, что залетит шайтан, и, свив гнездо в сердце человека, будет подстрекать его к дурным поступкам.

За столом обязательно надо было начинать трапезу с произнесения религиозной формулы (бисмилля-рахман-рахим), иначе за человека ел шайтан и при этом он никак не мог насытиться. Таких едоков и, в целом, обжорство, связывали с вселением в тело человека шайтана⁶⁵⁶. Для татарского традиционного общества это было очень актуально, т.к. преимущественно из-за жирной пищи весьма распространены были болезни желудочно-кишечного тракта⁶⁵⁷. Поэтому к умеренности в еде призывали и татарские пословицы, и просветители Каюм Насыри, Ризаитдин Фахреддин, и другие авторы⁶⁵⁸.

Если с одной стороны приветствовалась умеренность в еде, с другой переизбыток были связаны с пережитками языческих культов еды, хлеба. Очевидно, с помощью шайтанов более позднего арабомусульманского происхождения корректировались древнетюркские мифические представления. Так согласно народным поверьям хлеб и все съедобное считалось чем-то священным. Нельзя было бросать хлеб на пол, строго воспрещалось топтать крошку на полу, сидеть

⁶⁵⁶ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 34, л. 18-19.

⁶⁵⁷ К. Фукс, *Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях*, Казань 1991, с.138.

⁶⁵⁸ Л. Р. Габдрафикова, *Повседневная жизнь городских татар в эпоху буржуазных преобразований (вторая половина XIX – начало XX века)*, Казань 2013, с. 101-102.

выше хлеба так же считалось верхом неуважения. Среди народа бытовали клятвы на хлебе, хотя правоверному мусульманину нельзя было клясться чем-то кроме *Корана*⁶⁵⁹. Казанский мугаллим (преподаватель в медресе) и журналист Ахметхади Максуди на рубеже XIX–XX вв. издал свод мусульманских правил *Шариат-и-исламие*, где, в том числе, имелись рекомендации относительно хлеба: нельзя было класть на него нож, вытирать нож о хлеб. Не менее любопытным представляется совет «облизать посуду из-под пищи»⁶⁶⁰, который, очевидно, напрямую связан с языческим культом хлеба.

Языческие представления и их влияние на повседневную жизнь татар были столь сильными, что иногда перевешивали предписания *Корана* или же мифологические воззрения, появившиеся под влиянием исламской культуры. Если в одних случаях остатки язычества осуждались мусульманским духовенством (например, в народной медицине), то в других, наоборот, сами татарские муллы демонстрировали синкретичность сознания. Так, отец Ш. Марджани, мулла одного из сельских приходов Казанской губернии, в первой половине XIX в., вместе со своими прихожанами в год засухи участвовал в обряде призвания дождя⁶⁶¹. Другой мусульманский священнослужитель Яхья бин Сафар бин Арслан был известен в своем округе (Казанский уезд) как «укротитель чертей». Вероятно, для того, чтобы подчеркнуть превосходство над нечистыми силами, различные природные или другие явления он объяснял собственными сверхъестественными способностями. Некоторые современники считали это обычными фокусами, другие искренне верили мулле. Умер Яхья бин Сафар в 1838 г.⁶⁶² Все эти примеры указывают на то, что этикет того времени был тесно связан с языческой мифологией и даже муллы не могли игнорировать этот факт: им приходилось либо подстраиваться под обыденные

⁶⁵⁹ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 34, л. 13-14.

⁶⁶⁰ Н. Катанов, *op. cit.*, с. 170.

⁶⁶¹ Ш. Марджани, *op. cit.*, с. 316.

⁶⁶² Р. Фахреддин, *Асар*, Т.1, Казан 2006, с. 325.

представления прихожан, либо предлагать адекватную их мышлению альтернативу.

Кроме языческих культов и шайтанов, еще одной формой социального регулирования были представления о потустороннем мире, связанные напрямую с основами исламского вероучения. Но кроме канонических запретов (не убий, не воруй, не прелюбодействуй и т.д.) в народе появлялись множество других предписаний так или иначе связанных с адом и раем. Например, в старых татарских медресе методы воспитания и обучения были весьма традиционными, где учитель-мулла играл авторитарную роль и мог по-разному наказывать своих шакирдов. Это полностью принималось родителями учеников, в фольклоре имелись оправдания такого рода насилию, что даже считалось желательным в процессе обучения. Татары-мусульмане верили, что «какого места тела ученика ни коснется рука или плеть учителя, место это не подвергнется горению в адском огне». Поэтому отец, отдавая своего сына в медресе, всегда говорил привычную фразу «мясо тебе, кости мне», что означало «можешь сколько угодно бить и истязать мальчика, только бы он хорошо учился»⁶⁶³.

Под влиянием религиозной литературы появились народные утверждения о том, что если человек плюнет кому-нибудь в лицо, то в день страшного суда его заставят лизать раскаленные сковороды, а сплетника повесят за язык⁶⁶⁴.

Конечно, со временем некоторые предписания изживали себя. Чудаковатых мулл, вроде Яхьи бин Сафара бин Арслана, в конце XIX в. уже не было. Постепенно происходила рационализация мышления, вместе с которой менялись и нормы поведения. Например, те же старометодные (кадимистские) медресе начали реформироваться на рубеже XIX–XX вв. На смену им пришли учебные заведения нового толка (джадидские медресе), где установились более либеральные взаимоотношения между преподавателем и учащимися. В начале XX в. среди татар заметно выросла доля городского населения. Многие из новоявленных горожан трудились

⁶⁶³ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, д. 34, л. 15.

⁶⁶⁴ *Ibidem*, л. 14.

на заводах и фабриках, в том числе и в ночную смену. Конечно, в условиях капиталистического рынка не могло быть и речи о традиционных воззрениях, например, вроде запрета на ночную работу. Со сменой государственного устройства в России и распространением советской идеологии, практически насильным путем вытравлялись традиционные представления народа и уклад жизни.

Теперь, с развитием науки и техники, некоторые этические нормы воспринимаются чем-то вроде психических атавизмов, изживших себя стереотипов поведения, помноженных на различные приметы и суеверия. Конечно же, нашей задачей являлось не рассуждение об истинности тех или иных мифических представлений. Хотя, некоторые из них, например, относительно санитарных норм, безусловно, имели под собой и вполне рациональную почву. А правила, призывающие уважать других людей и не устраивать скандалов и т.п., понятны современному человеку и без мифических объяснений. Таким образом, наряду с самим фольклором важную роль играет и его производная: этические нормы поведения, в этом функциональная необходимость народной культуры. Мы согласимся с утверждением Рафаила Сибгатовича Хакимова о том, что

секрет жизнеспособности мифов, повторяющихся с разным содержанием из века в век, кроется в доминирующей структуре, которая может повторять отношения к отцу и матери, природным явлениям, обществу, быть связанной с обузданием инстинктов, утверждением моральных норм.⁶⁶⁵

Татарский национальный этикет в основе своей состоит из общечеловеческих ценностей. Татарский фольклор, сотканный из языческих, арабо-мусульманских и других мифов, веками подводил человека к единому духовному знаменателю, общим морально-духовным ориентирам.

⁶⁶⁵ Р. С. Хакимов, *Историческая этнология: парадигма и инструментарий*, Казань 2012, с. 170.

FOLKLOR TATARSKI JAKO PODSTAWA ETYKIETY NARODOWEJ

Streszczenie: W artykule analizowane są różnorakie normy zachowania, przyjęte w tatarskim społeczeństwie muzułmańskim na przełomie XIX i XX w. W celu objaśnienia istoty ludowych zakazów, nakazów i przesądów autorka artykułu sięga do folkloru i dochodzi do wniosku, że tatarska etykieta narodowa sformułowała się na podstawie pogańskich i arabsko-muzułmańskich mitów i zmieniała się pod wpływem wartości ogólnoludzkich.

Słowa kluczowe: Tatarzy, pogaństwo, islam, folklor, etykieta, mentalność, kodeks zachowań.

TATAR FOLKLORE AS THE GROUND FOR NATIONAL ETIQUETTE

Abstract: This article analyzes the various codes of conduct adopted by the Tatar Muslim society in the 19th and 20th centuries. To explain the essence of traditional prohibitions, regulations and superstitious ideas the author refers to Tatar Folklore. The study concluded that Tatar etiquette arose from pagan and Arab-Muslim myths and was subsequently fine tuned under the influence of common cultural values.

Key words: Tatars, Paganism, Islam, folklore, etiquette, mentality, codes of conduct.